

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

**ВАЛЕРИЙ
ХАРЛАМОВ**

ТРИ НАЧАЛА

ЭКСМО

Москва 2014

УДК 82-94
ББК 75.579
Х 21

Литературная запись Олега Спасского

Фотографии на переплете:
Вячеслав Ун Да-син, С. Смольский / Фото ИТАР-ТАСС
Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
Юрий Сомов / РИА Новости;
Mikhail Svischev / Russian Look;
Петр Носов, Виктор Будан, Валерий
Зуфаров, Вячеслав Ун Да-син / Фото ИТАР-ТАСС;
Архив Фото ИТАР-ТАСС

Харламов В. И.

Х 21 Три начала : О мастерстве, мужестве и вере в победу / Валерий Харламов. — М. : Эксмо, 2014. — 288 с. : ил. — (Наше золото. Легенды отечественного хоккея).

ISBN 978-5-699-70523-8

Великий хоккеист Валерий Харламов написал эту книгу, когда ему было всего тридцать один год. Всего... На литературном поприще это был его дебют. Но если говорить о хоккее, то в этом возрасте Валерий достиг таких вершин, о которых не то что мечтать – которые даже гипотетически предположить было трудно. И тем не менее невероятно, но факт: Валерий Харламов стал двукратным олимпийским чемпионом, восьмикратным чемпионом мира, одиннадцатикратным чемпионом СССР, лучшим бомбардиром в истории чемпионатов мира по хоккею. Он – кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени, кавалер ордена «Знак Почета», награжден медалью «За трудовую доблесть»... Легко ли писать автобиографию с такими впечатляющими достижениями? Валерий много написал о своей личной жизни, подробно рассказал о своих товарищах по команде, тренерах, о том удивительном чувстве победного триумфа, когда советская сборная громила сильнейших профессиональных хоккеистов! Книга наполнена откровенными мыслями о чести, смелости, мужской дружбе. Она несет в себе сильную и светлую энергию человека, который искренне любил спорт, любил свою страну, свою семью и посвятил им без остатка всю свою недолгую жизнь...

**УДК 82-94
ББК 75.579**

ISBN 978-5-699-70523-8

© Харламов В., 2014
© Спасский О., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Когда серебряные трубы возвещают победу, они не только зовут победителя на пьедестал. Они славят СПОРТ: разум и силу, мужество и волю, верность, отвагу и честь; они славят ЛЮДЕЙ, отдавших сердца спорту, зовущих своими делами, своим примером на жизненный подвиг.

Сердца, отданные спорту.

ПУТЬ НАВЕРХ

В ДЕТСКИХ КОМАНДАХ

Почему я стал хоккеистом? Признаться, прежде я об этом особенно не задумывался. Но вот однажды меня попросили рассказать, как пришла любовь к хоккею, и я... Я не смог ответить на этот вопрос.

Просто в детстве я много времени проводил на льду. А потом в один прекрасный день в моих руках оказалась клюшка.

Чтобы стать спортсменом, достичь каких-то высот, надо полюбить свой вид спорта — мысль эта очевидна. Но есть и второе условие — надо жить где-то поблизости от стадиона, по крайней мере в таком месте, где были бы условия для занятий любимым спортом. Я рос в районе Ленинградского проспекта, недалеко от Дворца спорта ЦСКА, и, пожалуй, именно это обстоятельство во многом повлияло на выбор спортивного пути. А вот почему я, например, не стал пловцом? Может быть, потому что рядом не было реки или бассейна. Лето я проводил в местах, где купаться доводилось не часто, и оттого я сегодня плаваю куда как неважно.

Хоккей — игра технически сложная. Здесь много условностей и условий. Хоккей не столь естествен, как бег, прыжки, плавание, метания.

В футбол может играть практически каждый, кто умеет ходить, а в хоккее есть предварительное условие: сначала нужно научиться кататься на коньках, потому я считаю, что футбол в этом смысле демократичнее.

Кататься я начал рано. Первым тренером был отец, Борис Сергеевич, слесарь-испытатель одного из московских заводов. Он возил меня, пятилетнего, с собой на соревнования заводских команд, давал мне, чтобы я не замерз, коньки, которые были настолько велики, что я надевал их на валенки. Потом я попросил клюшку.

Отец не опекал меня в те минуты, когда я вставал на коньки: на льду я чувствовал себя уверенно. Ибо катаюсь с тех пор, как себя помню. Родители мои работали. И отец и мать — мама к тому времени уже хорошо говорила по-русски, хотя и с акцентом, сохраняющимся и сегодня. Моя мама — Орибе Абат Хермане — приехала в Советский Союз двенадцатилетней девочкой в 1937 году вместе с другими испанскими детьми.

Поскольку родители были заняты, то с понедельника и до субботы я был у бабушки. Сейчас

это район Старого шоссе, тогда здешние места назывались Соломенной сторожкой. Анатолий Владимирович Тарасов, узнав, где я впервые встал на коньки, воскликнул:

— Знаю это место. Раньше там были сады и огороды — мы туда за клубникой лазили!

Жили мы в деревянном доме, потому я был все время на улице, катался на заснеженных дорогах, отшлифованных проезжими машинами до состояния льда. Поначалу освоил «снегурочки», потом «гаги».

Хоккей по-настоящему меня увлек в начале 1963 года, когда я увидел по телевидению чемпионат мира, проходивший в Стокгольме, где началась серия побед советских хоккеистов. Серия, в которой я успел сыграть.

Как только в нашем дворе появилась хоккейная коробка, я начал играть со старшими ребятами. Они охотно брали меня в свои команды, потому что я катался лучше других маленьких мальчишек.

В ЦСКА я попал во многом благодаря именно этим ребятам, которые, однажды побывав на очередном матче, рассказывали друг другу об искусственном льде, который заливают горячим, ввалили они друг другу с упоением: лед заливают

горячей водой, поэтому до льда дотронуться невозможно — обожжешься. Но узнал я и о том, что в ЦСКА периодически происходит запись желающих играть в хоккей, каждый год ведется набор в детскую школу.

Набор этот в то время был не такой большой, как сейчас. Но мы решили рискнуть — в 1962 году десяток моих приятелей из нашей школы пошли записываться. Там в тот день играли юнцы чуть постарше нас, а после игры был выделен час времени для набора. Часа хватило: ажиотажа такого, как сейчас, не было. Не спрашивали с такой строгостью, как ныне, и метрики или справку о здоровье.

Мы стеснялись страшно. Наконец настала наша очередь выходить на лед, мы прокатились по полтора круга, и из всей нашей компании оставили меня одного. Принял меня Борис Павлович Кулагин. Естественно, ни он, ни я не догадывались, что начинается совместная работа, которая будет длиться полтора десятка лет.

Начинал я нехорошо — с обмана. Был я тогда маленького роста, и потому смог выдать себя за тринадцатилетнего: ребят, родившихся в сорок восьмом, уже не принимали.

Хоккейный клуб играл на первенство Москвы, в его составе были две команды мальчиков, три

юношеские, молодежная и две мужские команды. Мальчики, родившиеся в сорок девятом году, в чемпионате в то время еще не участвовали, их набирали заранее и пока только готовили к следующему сезону. Участвовали мы лишь в товарищеских матчах, познавая азы хоккея.

Но первый матч на зрителях я сыграл раньше, не ожидая следующей зимы, причем во Дворце ЦСКА перед матчем команд мастеров. Была назначена переигровка вторых команд мальчиков со «Спартаком» за первое-второе место, и случилось так, что в нашей первой пятерке один нападающий заболел, и тренеры решили выставить меня. И вот из команды сорок девятого года меня делегировали играть за ребят сорок восьмого года. Я попал в тройку к Коле Гарипову и Валерию Лапину. Мы выиграли 6:2, и наше трио забросило то ли четыре, то ли пять шайб.

У спартаковцев была хорошая команда, там играли Владимир Шадрин и Игорь Лапин.

В тот день случился эпизод, который я запомнил на всю жизнь.

Я нарушил правила, столкнувшись с уже мощным в ту пору Лапиным, меня посадили на скамью штрафников, я был огорчен, мне было стыдно, что подвел товарищей. И вдруг ко мне

подошел Анатолий Владимирович Тарасов и сказал: «Молодец, что не испугался. Спасибо за мужество. Никогда никого не бойся!»

Я был обрадован, горд, восхищен. Сам знаменитый, легендарный Тарасов, несравненный маг хоккея, заметил меня, похвалил за смелость!

Для четырнадцатилетнего мальчишки, увлеченного хоккеем, похвала Тарасова была не просто высшей оценкой, но максимально возможной наградой. И вполне понятно, что его напутствие – «Никого не бойся!» – стало для меня высшим заветом: подростки особенно восприимчивы, и тем более внимательны и старательны они, если обращается к ним их кумир.

Отец терпеть не может лжи, даже в «тактических» целях, мне врать всегда запрещалось, и потому папа рассказал моим тренерам Виталию Георгиевичу Ерфилову и Андрею Васильевичу Старовойтову, что я обманул их, что я с сорок восьмого года.

Думал, меня выгонят, но меня простили, наверное, потому, что обман мой никому вреда принести не успел – за команду сорок девятого года я ни одного официального матча не провел, а за ребят сорок восьмого выступать имел

полное право. Меня оставили в команде, и с тех пор я в ЦСКА.

Последовательно поднимался из команды в команду – вторая, потом первая команда мальчиков, третья, вторая, первая юношей.

Медицинскую справку у меня не спрашивали, и я был рад, но боялся, что однажды моя тайна может быть раскрыта: дело в том, что я не мог в ту пору принести справку. В 1960 году я перенес ангину в тяжелой форме, болезнь дала осложнение: ревматизм сердца.

Однажды правая нога и левая рука отказались меня слушаться. Я долго был в больнице, три месяца лечился в санатории, и с того времени врачи запретили мне подвижные игры и школьные турпоходы. Играя в ЦСКА, я боялся, что меня спросят о медицинской справке.

И спросили.

Справку я взял там, где числился ревматиком. Объяснил врачам, что давно играю в хоккей, что болезнь, видимо, сдалась.

Комиссия врачей изучила дело и признала, что болезнь я переборол.

Играл с желанием. Старался.

Был момент, когда я пропускал тренировки. Отец, узнав об этом, сказал:

— Если уж взялся за что-то, то нужно заниматься как следует или отказаться вовсе... Или работай по-настоящему, или я скажу тренеру, что ты не хочешь играть: а ребят подводить не позволю, они на тебя рассчитывают...

Это правило я запомнил хорошенько — попал в команду, не подводи товарищей.

Впоследствии оно мне во многом помогло в хоккее.

Все шло гладко, без взлетов и падений, пока я как бы из класса в класс переходил из одной возрастной группы в другую, но вот настал черед первой юношеской команды, меня стали приглашать в мужскую (тогда такая команда в составе клуба еще была), и я очутился перед проблемой выбора. Я окончил школу, поступил в институт, а тренеры ЦСКА уговаривали меня подать заявление о призыве в армию, и я написал такое заявление.

В команде мастеров ЦСКА все места были заняты. Играли еще и великие мастера старшего поколения, возглавляемые Вениамином Александровым, Александром Альметовым и Анатолием Фирсовым, — я говорю сейчас только об игроках моего амплуа, о нападающих. Играли Валентин Сенюшкин, Леонид Волков, играла быстрейшая в стране (да только ли в стране!) тройка Юрий Мо-

исеев — Евгений Мишаков — Анатолий Ионов. Играла и талантливая молодежь, возглавляемая Владимиром Викуловым и Виктором Полупановым, я имею в виду таких одаренных мастеров, как Борис Михайлов, Владимир Петров. В молодежной команде вместе со мной выступали перспективные ребята Владимир Богомолов, Александр Смолен, Юрий Блинов, Евгений Деев, которые по физическим кондициям, по уровню были, на взгляд тренеров, не хуже, а лучше меня. Потому на меня тренеры обращали не слишком много внимания, а на подходе были уже Вячеслав Анисин и Александр Бодунов. Короче говоря, в основной состав команды мастеров меня подключили только однажды. Было это 22 октября 1967 года в Новосибирске. ЦСКА выиграл у «Сибири» — 6:2, и играл я, конечно, не с начала матча.

Радоваться особенно было нечему. Мне девятнадцать лет, и я далек от основного состава. А ведь Альметов, помнил я, был в семнадцать в сборной!

А потом тренеры мне сказали, что, выступая только за клубную мужскую команду, я не смогу повышать свое мастерство: места для меня в основном составе не видели и потому в ноябре решили направить на стажировку в одну из армейских команд. Выбрали «Звезду».